

будтобы распустивъ тысячи двѣ козаковъ, которыхъ Чарторыжскіе затѣмъ наймутъ. Напрасно Сольмсъ резонно представлялъ ему, что положеніе совсѣмъ не одинаково, что курфирстъ имѣлъ право и даже обязанъ былъ отпустить польскія войска послѣ смерти покойнаго курфирста, короля польскаго, тогда какъ Россіи—что извѣстно всему міру—нѣтъ малѣйшей надобности распускать свои національныя войска. Напрасно онъ убѣждалъ его, что это будетъ недостойная и мелочная уловка, которая можетъ притомъ сдѣлаться опасной, ибо одно ужъ присутствіе войскъ можетъ вызвать драку, которая въ свою очередь поведетъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ, справедливо раздосадованныхъ. Панинъ упирался на своемъ. Наконецъ, онъ напалъ на мысль отправить свои двѣ тысячи козаковъ подъ предлогомъ смѣны гарнизона, охранявшаго русскіе магазины въ Грауденцѣ и, разъ нападъ, ни за что не соглашался отъ этой счастливой мысли отступить. Въ довершеніе всего онъ непременно хотѣлъ, въ предупрежденіе могущей составиться конфедераціи, сдѣлать декларацію о предстоящемъ вступленіи русской арміи въ Польшу и при этомъ вынудить у прусскаго короля обѣщаніе ввести туда и свои войска, въ случаѣ, еслибы дѣла тамъ приняли такой оборотъ, что Россіи пришлось бы сдѣлать это со своей стороны. Видя твердую рѣшимость Фридриха такого обѣщанія не давать, онъ, уже прямо отъ имени императрицы, предъявилъ Сольмсу личную просьбу ея, чтобы король заставилъ, по крайній мѣрѣ, свои войска сдѣлать какія-нибудь передвиженія на границѣ, на примѣръ, перейти на другія квартиры, или собраться по корпусамъ, словомъ, настолько, насколько это необходимо, чтобы показать готовность ихъ выступить по первому приказанію и дать всѣмъ замѣтить существованіе между Пруссіей и Россіей соглашенія и обоюдности интересовъ. Всего этого именно Фридрихъ всѣми мѣрами старался избѣжать. Онъ конечно отказался на отрѣзъ, объяснивъ весьма категорически, что не сдѣлалъ бы ничего подобнаго даже и при существованіи союзнаго договора съ Россіей, который все-таки давалъ бы вѣкоторое, хотя и плохое основаніе для такого дѣйствія; не сдѣлалъ бы потому, что это значило бы неизбѣжно вызвать войну, ибо, покуда онъ не шевелится и только нравственно поддерживаетъ Россію, до тѣхъ поръ и Австрія не шевельнется, но какъ только онъ переступить ногою въ Польшу, такъ немедленно же вступить туда и Австрія, а за нею вмѣшаются почти всѣ другія державы и тогда нельзя предвидѣть, куда будутъ завлечены всѣ заинтересованныя стороны. Теперъ же, когда у